

ПУТЕШЕСТВІЕ
Й О Р И К А

ПО ФРАНЦІИ,

или

*забавныя и остроумныя замѣ-
танія и живописныя оттѣнки
нравовъ и характера Француз-
скаго народа до революціи.*

*Сочиненіе извѣстнаго Англинскаго
Писателя Гна. Стерна.*

Конченное и изданное по его смерти
другомъ его Евгеніемъ.

Ч А С Т Ъ Т Р Е Т І Я .

Переводъ съ подлинника.

М О С К В А .

Въ Университетской Типографіи.

1806 года.

*Съ одобренія Ценсурнаго Комитета,
устрежденнаго для Округа Импера-
торскаго Московскаго Университета.*

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Представляемая Публикѣ III я и IV я Части *Путешествія Йорика*, не суть произведеніе пера Гна. Сперна. Издашеть сочиненій его (на Англинскомѣ языкѣ) написалъ эшо продолженіе по такимъ причинамъ — по такому праву, которое, какъ онъ надѣется, доспашочно оправдаешъ его предъ Читателями за изданіе оныхъ Частей.

Отрывистое окончаніе второй Части очевидно требовало продолженія; и есть-

ли бы продлилась жизнь Авшорова, но Свѣшв конечно получилъ бы это продолженіе отъ него самаго, потому что матеріалы были уже приговорены.

Издатель былъ другомъ Гну. Сперну, и часто имѣлъ случай слышать отъ него самаго, что болѣе всего было замѣчательнаго во второй Части его Путешествія; это сдѣлало такое впечатлѣніе въ немъ, что онъ все совершенно запомнилъ, и могъ положить на бумагу. Евгений (*издатель Путешествія Йорика*) старался припомъ по-

дражать нраву и слогу друга своего ; но Чипашелямъ оставляетъ рѣшишь , сколько онъ успѣлъ въ своемъ дѣлѣ. И такъ теперь сіе сочиненіе можно называть полнымъ , и любопытные Чипашели *Путешествія Йорика* въ разсужденіи этого оспанушся совершенно довольными.

ПУТЕШЕСТВІЕ

И О Р И К А

ПО ФРАНЦІИ.

Самой щекотливой слухай.

— И ухватилъ горничную дѣвуш-
ку за — — —

„За что?“ говоритъ кришкѣ.

За руку.

„Нѣтъ, нѣтъ; лъвая увертка,
Гнѣ. Йерикѣ!“ кричитъ приказной.

Да! въ самомъ дѣлѣ слишкомъ
явно, говоритъ *Пасторъ*.

Я готовъ прозакладывать свое
черное шелковое исподнее платье,
которое въ первой разѣ еще надѣлъ
при семъ случаѣ — на дюжину Бур-
тонскаго, какое пили прошлую ночь —
(я разумѣю шу, когда я спалъ въ

одной комнаѣ съ молодою Пиемонцкою), что вы господа всѣ не правы.

„Не лѣзя спаться! отвѣчаютъ эти прозорливые господа; дѣло извѣстное и переизвѣстное; насъ не проведешь!“

Думаю — еслили разобрать этотъ случай, — не смотря на то, что горничная дѣвушка была такая вострая, какая только есть во Франціи, и менѣе двадцати лѣтъ — еслили разобрать, что она спала подлѣ своей барыни, натурально для того, чтобы заслонить отверстіе, сдѣлавшееся отъ выпавшихъ булавокъ (которыя заколотъ были занавѣсъ), то всѣ Геометры въ свѣтѣ спачуть въ шупикъ, еслили имъ доведется сыскать, подлѣ какимъ угломъ рука моя схватила горничную дѣвушку.

Но пускай ихъ дѣлаютъ о семъ свое заключеніе: что же въ этомъ за грѣхъ? Зналъ ли я, что она такъ стояла? — Могъ ли я подумать, что она придетъ безо всякаго покры-

вала? ибо, что юбка за препона въ такомъ случаѣ?

И впрямь, естли бы она была такъ молчалива, какъ моя Парижская дѣвушка, которую я встрѣтилъ въ первый разъ съ сердечнымъ смятеніемъ, то все было бы хорошо; но я лишь только допренулся, — какъ она неумчивая Ліонянка прегромко взвизнула. . . . Ежели бы у меня былъ и кинжалъ въ рукѣ, ежели бы я покушался на жизнь и на добродѣтель ея: то право бы она не голосистѣе закричала: Ахъ, сударь! ахъ, сударыня! — Господинъ Англичанинъ! — Вотъ онъ! вотъ онъ!

На такой крикъ потчасъ прибѣжала хозяйка и оба извощика; они подумали, что рѣжутъ, и совѣсть принудила ихъ бѣжать на помощь. Хозяйка дрожала, молилась Св. Игнатию и крестилась очень проворно; я же въ это время вскочилъ съ постели и ужь стоялъ, какъ вкопаной подлѣ молодой Пемоншки, когда мы принимали эшихъ гостей.

Какъ первое изумленіе миновалось, то дѣвушку стали спрашивать, отъ чего она закричала, и не разбойники ли вломились въ горницу? На это она не дала никакого отвѣту, но имѣла еще столько присущствія духа, что тотчасъ убѣжала въ боковую свою комнату.

Такъ какъ объясненіе оставалось за нею, а отъ нее ни слова не лезло было добиться, то на меня и не подумали бы ничего, еслибы по несчастію — когда я отъ безсонницы ввечерялся и возился на постелѣ — не случилось того, что договорная статья о *исподнемъ платьѣ* была по видимому совсѣмъ нарушена.

Взоры Пиемонтки усмотрѣли это, — мои стали примѣчать за ними, и я увидѣлъ то, что заставило меня покраснѣть болѣе, чѣмъ нагота обоихъ извожиковъ, — изорванная юбка хозяйкина, и открытыя прелести Госпожи.

Я стоялъ подлѣ нее, Евгений! какъ вкопанной, когда она сдѣлала открытіе; это позобило ей собраться.

ея съ мыслями ; она бросилась въ постелью , завернулась въ одѣяло , и велѣла инотчасъ подавашь завтракъ.

По этому сигналу посѣпитатели наши удалились , а мы оспались на свободѣ разсуждать о спашьяхъ тракшаша.

П е р е г о в о р ы.

Какъ защита булавокъ оказалась недѣйствительною , то Пиемонтка , какъ большая искусница въ переговорахъ , вооружилась со всѣхъ сторонъ , прежде нежели начала опять сношеніе. Она хорошо знала силу и искусство наряда , хотя , признаюсь , каждой доводъ раздѣшмой ея риторики почиталъ я непреодолимымъ. Но вотъ подають кофе — и я едва успѣваю уложить свои вещи.

За завтракомъ.

Пиемонтка. Не дивлюсь, сударь, что несогласія между Франціею и Англіею такъ часто случаются, когда ваша нація в егда сама виновата бываетъ въ нарушеніи правъ своихъ.

Йорикъ. Извините, сударыня! припомните сами — въ предъей снѣхъ положено, что господинъ можетъ молиться — я только лишь сдѣлалъ вызваніе, какъ ваша горничная дѣвушка своимъ спраннымъ и до сихъ поръ непонятнымъ крикомъ причинила мнѣ сильныя судороги, такія сильныя, что мнѣ право пришло не до шушки.

Пиемонтка. Перестаньте, сударь! вы нарушили каждую статью, кромѣ первой — но и шутъ уговоръ не исполненъ.

Йорикъ. Извольте замѣтить, сударыня, что этотъ уговоръ нарушенъ отъ васъ самихъ въ жару вашего доказательствъ относительно къ третей статьѣ.

Піємонтка. А исподнее ваше плашье, сударь

Йорикъ. Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, вы задѣлаеши меня за живое. Признаюсь въ своемъ прослушкѣ; но это сдѣлалось ненарочно.

Піємонтка. Такъ и по ненарочно, что вы схватили насильно мою горничную дѣвушку?

Йорикъ. Насильно схватилъ? — Сударыня! — я только дотронулся до нее одною рукою, и самъ дѣвичій судъ приписалъ бы это одному невольному чувству.

Послѣ этого конгресса заключенъ новой трактатъ, въ которомъ взяты были всѣ возможныя предосторожности противъ необходимыхъ приключеній, случающихся отъ него въ, постелей, булавокъ, горничныхъ, противъ бѣдъ отъ *исходняго платья*, и пр. и пр. Если бы мы держали и важной военной совѣтъ, какъ пресѣчь убѣжище неприятели въ Дюнкирхенъ и Мадрикъ — то не лзя больше употребить поли-

пической осмопрительности, и послѣ эпого опнюдь не лзя бы'о ни чему выдти — ни съ умыслу, ни по случаю.

Запасъ для бѣднаго.

Природа! какой образъ ты ни принимаешь на себя, на горахъ ли Новой Земли, или среди горящихъ песковъ, ты всегда любезна, всегда будешь ты меня вести въ путь мой. Съ швоею помощію жизнь, удѣленная сему уплому шворенію — будетъ жизнь добрая и праведная. Научи меня чувствовашь тѣ кроткія ощущенія, по копорымъ всѣ существа въ родствѣ между собою; заставъ меня болѣть сердцемъ о бѣдѣ другаго, горевашь при его напасти, и вкушашь необыкновенное удовольствіе при его благополучіи. — Какъ! временныя переходчивыя несчастія въ одинъ часъ могутъ навести мрачныя облака на то чело, гдѣ ясность всегда царшвовала? Нѣшъ! прочь отъ

меня болѣзненные припадки! — нападите лучше на лицембра, котораго сердце всегда опирается отъ его поддѣльнаго лица; устремись на скупаго, которой вздыхаетъ и тогда, когда смотритъ на свои сокровища, и думаетъ о нетвердости замковъ и залоровъ. Подумай лучше о *бѣдняжцѣ*, о непрочности жизни; сосчитай разъ, сколько дней остается жить тебѣ — какихъ нибудь десять лѣтъ или меньше; такъ отложи же изъ богатства шсего участокъ, какой тебѣ надобно прожить въ это время, — и остатокъ отдай подлинной нуждѣ.

Если бы жаркія, справедливыя молитвы мои могли подѣйствовать, — то скупость была бы согнана съ лица земли, и каждой день сталъ бы праздникомъ для *бѣднаго*.

Д р у ж б а.

Можетъ статься инымъ слишкомъ спрогимъ людямъ вздумается, что молитвы мои должны бы предше-

ствовать завтраку и работѣ, и что ошѣ того переговоры мои съ впрекрасною Piemontскою могли бы сдѣлаться успѣшнѣе — не спору.

Рука Фортуны вышкала жизнь мою изъ разныхъ случаѣвъ по самому снранному, однако неотвращительному узру; по свѣшлой и красивой землѣ она шакѣ испестрила цвѣшями, что едва ли какои нибудь шкачь во браженія можетѣ подражать ея работѣ.

Письмо изъ Парижа, изъ Лондона отѣ тебя, Евгений! о другѣ мой!!! Я буду съ тобою на Саксонскомѣ подворьѣ, прежде нежели ты насчитаешь двое сутокѣ.

С р а ж е н і е.

И шакѣ я встрѣчусь съ тобою, сказалъ я, милое телешнее швореніе, въ Брисселѣ! Своинѣ шолько изъ Ишалии корѣшиться въ Голландію черезъ Германію по Фландрской дорогѣ! Какое *сраженіе* любви и дружбы!

Ахъ, Госпожа Л*! каретной сарай погубилъ мое душевное спокойствіе. Роковая табакерка монахова всякую минушу представляешь тебя моему взору — и эти глаза, которые мечпають видѣть прекрасное лице, проливають подлинныя, невольныя слезы.

Естьли когда - нибудь желалъ я сердца, неприсступнаго для тоски и равно безчувственнаго для горя и радости, — но желалъ это теперь. Нѣтъ! постой! это хула противъ священной чувствительности, и я заглажу вину свою. Какъ же? — Я заплачу должную дань дружбѣ, хотя бы это стоило самой жизни моей.

Принявъ такое намѣреніе, сталъ я думать, какимъ бы образомъ учтиво извиниться передъ Піемонтскою госпожею въ послѣшномъ отпѣздѣ своемъ, и неисполненіи трактата, какой заключилъ я до Турина. Естьли прежній договоръ и былъ по видимому нарушенъ, но приключенія и разные случаи, причинившіе это мнимое нарушеніе, могли быть из-

винены обстоятельствомъ. — Но здѣсь была уже явная неустойка противъ гнората нашего прапаша, который былъ такъ свято подтвержденъ. Какъ же послѣ этого винить земныхъ Владѣтелей за то, что они послѣ *окончательнаго мирнаго договора* возобновляютъ войну, если разобрать непредвидѣнныя и неожиданныя происшествія, могущія отворить двери храма Янусова! — Между тѣмъ какъ я говорилъ самъ съ собою такимъ образомъ, она вошла въ комнату и сказала, что извѣстники гошovy и лошаки заложены. — О, Евгенийъ! если краска въ лицѣ есть признакъ врожденной скромности и стыдливости, а не вины, то — признаюсь тебѣ, что мое лицо зардѣлось отъ внутренняго смятенія, а языкъ мой заикался и отказывался отъ своей должности. Сударыня! сказалъ я: письмо — и остановился. Она видѣла мое замѣшательство, и не понимала.

„Мы подождемъ, сударь, пока вы напишете письмо.“ — Мое замѣшательство возрастало, и я на

прежде нѣсколькихъ минутъ, призвавъ на помощь силы рѣшимости и дружества, могъ промолвить ей:
миѣ надобно вѣдать.

Доводилось ли тебѣ, другъ мой! когданибудь при нуждѣ въ деньгахъ просить помощи у пріятелиа недо-вѣрчиваго? Что бы ты почувство-валъ, увидя движеніе въ мускулахъ лица его, болѣзнь или сожалѣніе въ его глазахъ, или когда бы онъ подавивъ нѣжныя побужденія сердца, и сбросясь къ тебѣ съ лукавою усмѣшкою, спросилъ у тебя: ка-кая порука? или естли бы ты когданибудь влюбился въ самолюби-вую, надменную красавицу, въ которой бы полагалъ всю свою надежду, всѣ радости и желанія; естли бы након-ецъ рѣшился ей открыть спрассъ свою, и при первомъ еще изліаніи души своей, встрѣтился бы съ ея взорами, увидѣлъ бы негодованіе и презрѣніе; кроющееся въ прекрасныхъ глазахъ ея, вооруженныхъ на твою бѣду: такъ, Евгений! представь же Шемонитку, представь, какъ жеи-

ская злость собрала всю гордость, все щеславіе въ одинъ фокусъ. . .

„Это Англинская учтивость; но честные люди такъ не дѣлаютъ.“

Какою Судьбою, случаемъ, или роковымъ ударомъ, или чемъ хочешь назови — приключенія мои, черныя опшѣнки на картинѣ жизни мсей — могли навлечь такое нареканіе на цѣлую націю ?

Это обидно, прелестная Пиемоншка! но себя уже нѣтъ; живи шамъ — съ Геніями счастья!

У п р я м с т в о .

Н^е одно это неудобство испыталъ я, переѣхавъ планъ моихъ дѣйствій. Извозчикъ, котораго подрядилъ я везти себя до Турина, не хотѣлъ ѣхать въ городъ Св. Михаила, прежде нежели окончитъ эпоху пущь: ибо онъ надѣялся шамъ взять сѣдка, чтобы наградить шѣмъ издержки

возвратной дороги. Напрасно пред-
спавлялъ я ему выгоды такой ко-
рошкой побѣдки, и увѣрялъ, что
шамъ сыщется кто нибудь бхать съ
нимъ въ Туринъ; — нѣтъ, — онъ
былъ также упрямъ, какъ и лошаки
его, и между ними примѣчалось ка-
кое-то сходство въ чувствованіи
(что можетъ статься произошло
отъ всегдашняго ихъ взаимнаго об-
ращенія и привычки другъ къ другу).
Все краснорѣчіе мое, всѣ разсужденія
производили также мало впечатлѣнія,
какъ и всѣ проклинанія, всѣ анафе-
мы, произносимыя Французскимъ ду-
ховенствомъ противъ хищныхъ га-
довъ и саранчи.

Видя, что не чѣмъ пособить,
развѣ заплашешь двойную цѣну, т. е.
и за возвратной путь, — я согла-
сился на это; и со всѣмъ своимъ фи-
лософскимъ челоѣколюбіемъ началъ
приписывать такую алчность къ
корысти, повсюду властвующую,
какой нибудь причинѣ скрытой въ
устроеніи челоѣка, или какимъ ни-
будь невидимымъ частицамъ воздуха,
копорыя глобаемъ мы съ первымъ

нашимъ вздохомъ, какъ скоро родимся на свѣтъ, и съ первымъ младенческимъ крикомъ негодования на то путешествие; которое принуждены мы предпринять.

Случайность бытія.

Съ крикомъ негодования на то путешествие, которое принуждены мы предпринять! Эта мысль понравилась мнѣ, и казалась новою и приличною тогдашнему моему положенію. Такимъ образомъ, съвѣвъ въ повозку съ улыбкою благоволенія къ лошакамъ, которыхъ упрямышю все зависѣло отъ неговорчивости ихъ погонщика, началъ я обдумывать нѣкоторыя слѣдствія моей счастливой мысли.

И такъ, сказалъ я, если бы мы приневолены къ путешествію жизни, если бы мы выпутили въ свѣтъ безъ всякаго согласія нашего, и не зная совѣтъ про это; и если бы только отъ одного случайнаго стеченія дыма

могли мы бытъ шрубкою, чубукомъ — гусемъ или обезьяной: то какъ же взыскивать съ насъ за наши спра- сши, глупости или капризы? Если- ли бы мы съ тобою, Евгений! какимъ нибудь Султаномъ принуждены были сдѣлаться Придворными, не научась напередъ танцовать, — то должно ли ему наказывать насъ за нелозкость въ поклонахъ? или, научась танцо- вать, севсѣмъ бы не знали обрядовъ дворскихъ: то какъ же меня прошивъ воли дѣлать Церемоніймейстеромъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ за незнаніе посадишь на колъ? Много пропало въ неизвѣстности людей, зародившихся бытъ героями; по этому Александръ, сынъ Филиповъ, съ Цезаремъ могли бы и не существовать!

Разбери это, Евгений! и посмѣй- ся шщеславному самолюбію Владыкъ земныхъ.

М а р і я .

По пріѣздѣ моемъ въ Мулинъ, я на- вѣдался обв *Марин*, элой горемыш-

ной дѣвушкѣ, и узналъ, что она умерла спустя десять дней послѣ моего свиданія съ нею. Я распросилъ, гдѣ кладбище, и гдѣ положена бѣдная: пошелъ туда; но тамъ и знака никакова на могилѣ ея не было.

Однако по свѣжести насыпной земли скоро узналъ я могилу ея, и тамъ заплашилъ должную дань добродѣтели, — заплашилъ горькими слезами.

Увы! тебя не спало, милая дѣвушка! но не спало для того, чтобы жить тебѣ тамъ — съ Геніями, которыхъ была ты прекраснымъ изображеніемъ на земли. Полна была чаща твоей горести, слишкомъ полна — и пролилась въ вѣчность; тамъ скорь жизни превратилась для тебя въ сладость, чистѣйшую сладость безсмертнаго счастья.

У е с т ь.

Привесши такую искреннюю жертву шѣни Маріиной — я сѣлъ опять въ повозку, и началъ разсуждать о благополучіи и злосчастіи рода человѣческаго; но задумчивость моя вдругъ прервана была спухомъ шпагъ, слышимымъ изъ-за кустовъ, находившихся подлѣ дороги. Я приказалъ почталіону остановиться, пошелъ къ тому мѣсту, откуда приходилъ шумъ; но насилу пробрался туда: ибо дорожка была очень извивиста, и шла въ самой чащѣ.

Первой предметъ, представившійся взору моему, былъ молодой человѣкъ, умирающій отъ раны, полученной отъ другаго человѣка, немного пошарѣе его, которой стоялъ надъ нимъ и плакалъ, держа въ рукъ окровавленное-погибельное оружіе. Я стоялъ неподвижно нѣсколько минутъ, смотря на это печальное зрѣлище. Опомнясь отъ своего изумленія, сталъ я спрашивать о причинѣ кроваваго сраженія; но вмѣ-

сто отвѣта былъ новой источникъ слезъ.

Наконецъ оперши горькія слезы, омочавшія лице его, онъ вымолвилъ со вздохомъ: „*Честъ* заспавила меня это сдѣланіе; совѣсь меня винила — но все возраженія были напрасны; въ груди друга своего пронзилъ я собственное сердце, и эта рана никогда не заживетъ!“ Тутъ онъ заплакалъ — зарыдалъ; и шоска его казалась неушѣшною.

Что это за призракъ — *честъ*, которая вонзаетъ кинжалъ шуда, куда бы должна была проливать бальзамъ? Злодѣй, въроломной обманщикъ! — — Смѣшное пвое своенравіе сдѣлалось закономъ — книгою законовъ! — Будучи невѣдомо правдамъ нашимъ, невѣдомо шѣмъ, которыхъ величаемъ мы непросвѣщенными и варварами — ты предоспавлено для вѣку роскоши, Наукъ и образованности, для жилища Музъ, для вашего жилища, Граціи! — Ахъ! возможно ли! не вы ли прекрасныя изображенія благодарности, кошорая

такъ часто пропившися мнимой *исти* и обманчивымъ ея приманкамъ?

Б л а г о д а р н о с т ь .

(О п р ы в о к ъ).

Благодарность такой плодъ, которой не растетъ ни на какомъ другомъ деревѣ, кромѣ благодарштельности. Имѣя такое благородное начало, такое божественное происхождение — *благодарность* необходимо должна быть совершенною добродѣтелию.

„Я съ своей стороны не буду (говоритъ *multifarius Lescundus*) колебаться, помѣстивъ ее выше всѣхъ другихъ добродѣтелей, особливо когда и самъ Всемогущій требуетъ отъ насъ одной ее; ибо она одна доставляетъ всѣ добродѣтели, нужныя для спасенія.“

Сами язычники такъ высоко цѣнили эту добродѣтель, что выдумали трехъ богинь, подъ именемъ Грацій, которымъ дали имена: *Талии*, *Аглаи* и *Эвфросини*. Всѣ

ояѢ были богинями *благодарности*; ибо древнимѢ казалось мало одного божества, чтобы почтить сноль рѣдкую добродѣтель. Надобно замѣтить, что Поэты представляли ихѢ нагими, и разумѣли подѣшимѢ, что при благодареніяхѢ и одолженіяхѢ должны мы поступать съ величайшимѢ чистосердечіемѢ и безѢ всякаго лукавства. Грацій изображали дѣвицами и въ цвѣтущей юности, для того, что добро и одолженіе надобно сохранять въ самой свѣжей памяти; что *благодарность* наша никогда не должна ни уменьшаться, ни пропадать отѢ времени, и что намѢ надобно искать всякаго возможнаго случая засвидѣтельствовать, сколько чувствуемѢ полученныхъ благодареній. Грацій изображали съ крошкимѢ, улыбающимся лицомѢ для того, чтобы означить радость, какую должны мы вкушать тогда, когда можемѢ плашать за добро, намѢ оказанное: число при научаетѢ насѢ, что признательность должна быть вдвое болѣе полученнаго благодаренія. Представляли же ихѢ держащимися за руки для

шого, что одолженія и благодарность должны быть неразлучны (*).

П о п у т ч и к ъ.

Несчастной незнакомецъ, оплакивая гибель своего друга, забывалъ о собственной безопасности. — Увидя вдали нѣсколько человекъ верхами, думалъ я, что можетъ быть они, уведомившись о происшедшемъ поединкѣ, ищущъ сражавшихся, для того и я просилъ знакомаго събѣсть со мною въ повозку, которая доставивъ его со всею возможною скоростію въ Парижъ, гдѣ можетъ онъ скрывать, пока дѣло оборотится въ его пользу, или бѣжать въ какую нибудь сторону Европы.

Предложеніе мое имѣло свое дѣйствіе — и я скоро убѣдилъ его быть моимъ товарищемъ и *попутчикомъ*.

(*) О! еслибы все баснословіе было изъяснено подобнымъ образомъ! *Пер.*

Отбѣхавъ около мили отъ роковаго мѣста, примѣтилъ я, что глаза его проясняются, грудь подымается не такъ уже сильно, и весь онъ началъ успокоиваться. Мы не говорили до сихъ поръ ни слова; но тогда замѣтивъ въ немъ расположеніе извѣстить меня о причинѣ его несчастія, я учтиво и по немногу заставилъ его говорить.

П о в ѣ с т ь .

„Я (сказалъ мой попутчикъ) сынъ Парламентскаго Члена въ Лангедокѣ. Окончавъ свое ученіе, побѣжалъ я на нѣсколько мѣсяцовъ въ Парижъ, гдѣ завелъ знакомство съ однимъ Дворяниномъ помоложе меня, съ человѣкомъ знатнаго роду, и наслѣдникомъ богатаго имѣнія: его прислали туда родственники и для его усовершенствованія, и для того особливо, чтобы удалилъ отъ одной молодой дѣвушки, которая была ниже его родомъ и бѣднѣе имѣніемъ — но завладѣла сердцемъ юноши.

Мой другъ открылся мнѣ въ страсти къ этой дѣвушкѣ, которая, по его словамъ, сдѣлала надъ нимъ такое сильное впечатлѣніе, что ни время, ни разлука не изгубили изъ его сердца милаго ея образа. Они вели непрерывную переписку, и его письма горѣли огнемъ страсти. Онъ спрашивался у меня, что ему надобно дѣлать. — Я всегда совѣтовалъ ему то, что мнѣ казалось лучше, и не думалъ отклонять его отъ любви къ дѣвушкѣ, которой лице, говорилъ онъ, было изображеніемъ самаго Ангела. Если только можно влюбиться заочно по одному описанію подобаго пламеннаго обожателя, — то слова его имѣли силу возбудить страсть нѣжнѣйшую. И такъ я одобрялъ его выборъ. Мы оба совершенно сходно думали о ничтожествѣ знатности и богатства предъ подлиннымъ счастіемъ человека, и — широкое таковыхъ родственниковъ, которые принуждаютъ дѣшей жениться противъ склонности, признавали величайшимъ зломъ изъ всѣхъ временныхъ золъ.

Въ это время получилъ я письмо отъ отца своего; онъ строго приказывалъ мнѣ прибхать домой. — Я спасался, не узналъ ли онъ какойнибудь изъ шалостей моихъ, которыхъ, какъ вы сами знаете, неукъбжны въ Парижѣ, и для того готовиася въ дорогу съ робкимъ духомъ и печальнымъ видомъ. Тѣмъ же болѣе имѣлъ я причину быть грустнымъ, что деньги, которыхъ должно было стаць мнѣ на три мѣсяца, испрашились въ одинъ, и мнѣ не съ чѣмъ было ѣхать. Но великодушный другъ мой это замѣтилъ — и далъ мнѣ коробочку, упросивъ меня взять ее вмѣстѣ со кошелька; въ ней нашель я вексель на одного банкира въ шаковую сумму, которая превосходила деньги, надобныя мнѣ на пробѣздъ мой.

Такъ какъ онъ не пропускалъ никакого случая писать къ милой своей Ангеликѣ, то и просилъ меня доставить ей письмо; ибо она жила въ сосѣдствѣ моего отца, — также и поршенъ свой, писанной самымъ лучшимъ мастеромъ въ Парижѣ и богато осыпанной бриллиантами.“

Чудной прїѣздъ.

„Съ величайшею неожопою оспавиль я Парижъ и его веселости; но ничто шакъ не прогало меня, какъ разлука съ моимъ другомъ, съ которымъ мы жили душа въ душу, и многіе называли насъ Ореспомъ и Пиладомъ. На каждой верстѣ былъ я, казавъ, ближе и ближе къ родителскимъ выговорамъ за мои шалости и дурачества, и на каждой верстѣ пригошавлялся снести самое суровое наказаніе съ покорностію и почтеніемъ, какимъ сынъ обязанъ своему родителю.

Но какъ я удивился, когда бапюшка выбѣжалъ встрѣчать меня за воропы и съ веселымъ лицомъ вскричалъ: „Сынъ мой! ты скоро меня послушавъ; это дѣлаешь тебя еще любезнѣе для меня и достойнѣе того счастья, какое тебя ждетъ.“ — Я благодарилъ его за милость, но обнаружилъ свое удивленіе, обв какомъ счастьи говорилъ онъ мнѣ! — „Ступай, сказалъ онъ; эта шайна тебѣ одкроешь.“ — Выговоривъ это, при-

ведь онъ меня къ молодой дѣвушкѣ
примолвя: вошь тебѣ невѣста!

Отецъ мой былъ человекъ искрен-
ный — простой въ обращеніи; со-
всѣмъ не зналъ лукавства и не по-
хожъ былъ на гиб ихъ Придворныхъ,
которые въмѣся всякому въ душу.

Дѣвушка покраснѣла — а я спалъ
неподвиженъ: языкъ мой лишился
способности говорить, руки позабы-
ли свое дѣло, и ноги тряслись подо
мною. Я изумился, увидѣвъ такую
красоту и невинность — не имѣлъ
времени одуматься; тысячи купидо-
новъ вдругъ напали на мое сердце
и — взяли его въ вѣчную неволю.

Оправясь отъ замѣшательства,
въ какое привело меня это нежиданное
приключеніе, я съдѣшитель-
ствовалъ мое почтеніе госпямъ, какъ
только могъ лучше, и такъ радо-
вался счастливому моему соединенію,
какъ будто бы и была уже свадьба.
Правда, не лзя было видѣть этой
небесной красоты и не влюбиться —
не лзя было не почестъ участи сво-

ей совершенно счастливою, а особенно когда согласие родительское меня предупредило.“

С в и д а н і е.

„Сѣли за столъ; всѣ были веселы — всѣ казались довольными, кромѣ на- реченной моей невѣсты. Я приписы- валъ это ея скромности и стыдли- вости, нечаянному приѣзду моему и внезапной помолвкѣ, и вздумалъ вос- пользоваться первымъ случаемъ, быть съ нею наединѣ, чтобы от- крыться въ моихъ чувствахъ, — от- крыться въ полъ сильномъ впечат- лѣннн, какое произвела она надъ мо- имъ сердцемъ.

Тотчасъ послѣ обѣда выдался такой случай. Прогуливаясь по саду со всѣмъ обществомъ, мы очути- лись одни — въ малой рощицѣ, ко- торую Природа въ часъ отличной своей милости насадила для убѣжища любовниковъ. Сударыня! сказалъ я; послѣ того, что произошло — послѣ счастливой помолвки нашей и согла-

сія нашихъ родителей, вы позволите мнѣ сказать, что для совершеннаго моего счастья, для сдѣланія меня самымъ благополучнѣйшимъ человекомъ недостаетъ только вашего слова — одного слова, что союзъ, который заключенъ теперь, также пріятенъ и вамъ, какъ и всѣмъ изъ насъ. Скажите, прелестная! что вы себя не принуждаете; скажите, могу ли я надѣяться имѣть хоть малую долю въ вашихъ чувствованіяхъ: — и тогда самое заботливое стараніе, самое твердое желаніе угождать вамъ и нравиться — будетъ правиломъ всей моей жизни.

Благородное чистосердечіе ваше, сударь, конечно не терпитъ обмана. Я сказала бы величайшую неправду, если бы обѣщалась любить васъ вѣчно: — это не возможно! . . .

Боже мой! что я слышу? не возможно любить меня? — Или я такъ отвратителенъ, такъ гнусенъ? Видно Природа дала мнѣ такой спрашной образъ — что на меня несносно и глядѣть, — что я противенъ

самому любезнѣйшему творенію? —
Естьли такъ — —

Нѣтъ, сударь, вы обижаете При-
роду и самихъ себя. Вы пригожи,
любезны, милы — вы имѣете всё
достоинства — — — но такъ лю-
бая участь моя — — — Тутъ по-
токъ слезъ остановилъ слова ея.

Ахъ! сударыня, сказалъ я,
спавъ на колѣни — выслушайте
прозбу вѣрнѣйшаго вашего обожате-
ля. Пусть приказанія родителей оп-
дающъ мнѣ вашу руку — я презираю
неволю — я не хочу получитьъ руки
безъ сердца — нѣтъ, я только объ
одномъ прошу васъ — позвольте мнѣ
стараться быть достойнымъ васъ,
и увидишь васъ въ страсти своей —
въ пламенной, неодолимой стра-
сти. Боже мой! какво было мое
изумленіе, когда я, договаривая по-
слѣднія слова, увидѣлъ своего друга,
почтеннаго друга, выскочившаго изъ-
за кулисъ и обнимающаго шна-
гу. — — — Бездѣльникъ! вскричалъ
онъ — ты долженъ заплашить за
свою измѣну.

Лади упала въ обморокъ — онъ бросилъ шагу, и кинулся помогать ей. Когда она опнесена была домой — онъ мнѣ велѣлъ идти за собою. Я пошелъ за нимъ, не понимая, чѣмъ я его оскорбилъ, и какимъ волшебствомъ очутился онъ въ домъ отца моего тогда, какъ я думалъ, что онъ въ Парижѣ. Пришедъ къ роцѣ, онъ сказалъ мнѣ: Государь мой! я узналъ о вашей измѣнѣ полчаса послѣ стѣзда вашего изъ Парижа. — Напрасно думали вы скрыть отъ меня причину вашего путешествія. Весь городъ въ этотъ же день заговорилъ о вашей свадьбѣ. Я тотчасъ поскакалъ, и, какъ вы видите, прѣхалъ въ пору, чтобы вступить въ соединенію вашему съ Ангеликою.

Ангелика! сказалъ я — Богъ видитъ, какъ несправедливо вы меня вините; я совсѣмъ не зналъ, что это Ангелика.

Дѣтская упертка! сказалъ онъ — обманывайте ея сущихъ дураковъ;

а я долженъ имѣть иное удовлетвореніе. Отдали ли вы письмо мсе и портъ ея?

Нѣтъ! не лзя было — — —

Бздѣльникъ, бездѣльникъ! —
нѣтъ! тебѣ хошлось лучше самому любить ее — — — Я слышалъ всякое слово швое; тебѣ не пристало умножать вины своей безсовѣсною ложью.

Напрасно силился я доказать ему свою невинность — напрасно обѣщаль уступить всѣ права свои на Ангелику, и ѣхать въ самой дальней край свѣта, чтобы забыть ее; онъ былъ неумолимъ. — — — Мнѣ не можно было его узбрить, что я не обманулъ его въ Парижѣ; что я не зналъ, Ангелика ли была та, ко-
торой я открылся въ любви своей. Словомъ, мы дошли до того мѣста, гдѣ вы насѣ нашли, и тамъ съ величайшимъ принужденіемъ, и по разгорячившии отъ его бранныхъ словъ — *безчестной, плутъ, подлець и трусъ*, принужденъ я сталъ защищаться. — — Вы знаете прочее. — “ Тутъ источникъ слезъ за-

ключилъ повѣсть моего полуптчика и показался мнѣ очень приличнымъ Эпиграммѣ.

К о р т м а.

Эта прогашельная повѣсть такъ сильно поразила мою душу — и я такъ глубоко вникнулъ въ обстоятельство, что очень обрадовался, увидѣвъ подлѣ дороги маленькую *корчму*: мнѣ было очень нужно отдохновеніе.

Хозяйка, которая вышла встрѣтить насъ, была красивая, *дородная* женщина, ни *молода* ни *стара*, а какъ у насъ говорится — въ *порѣ*; впрочемъ это выраженіе не очень надежной методѣ означать возрастъ; но я полагаю, что ей было лѣтъ подлѣ сорока. Кармелинскій монахъ при насъ распрощался съ нею: думая неудобно, что онъ приходилъ ее испытывать, ибо лице ее показывало личное ему признаніе во грѣхахъ; что можно приписать жаркой набожности, а при томъ той шоропливо-

сти, съ какою спѣшила она принять новыхъ гостей.

Мы спросили бушылку Шампанскаго, и она сказала намъ, что у нее самое лучшее вино во Франціи; что она примѣшила, что я Англичанинъ; и хотя обѣ націи были тогда въ войнѣ между собою, но она всегда окажетъ справедливость каждому человѣку, и должна признаваться, что Господа Англичане самые порозашые Господа въ Европѣ; что она чрезвычайно бы провинилась сама передъ собою, естлябъ Англичанина не поподчивала Царскимъ виномъ.

Мнѣ не спорить спашь съ женщиною о такомъ щекотливомъ предметѣ, и хотя мы съ поварищемъ видѣли, что не лезя быль хуже Шампанскаго, какое мы пили, но я много за него заплашилъ и много благодарилъ хозяйку за ея вѣжливосшь.

По прїездѣ нашемъ въ Парижъ я завезъ своего попутчика въ прежнее его жилище на улицѣ *Генно*, гдѣ

онѣ намѣренѣ былѣ переодѣнѣся Аб-
батомѣ; ибо эти люди мало замѣш-
ны въ городѣ, хотя и слывущѣ пер-
выми умницами и самыми отваж-
ными кришиками.

Онѣ общалѣ увидѣнѣся со мною
въ Англинской кофейной, пропивѣ
Новаго моста, въ девять часовѣ, что-
бы тамѣ вмѣстѣ опужинашѣ, и по-
думашѣ, какія мѣры приняшѣ для его
безопасности. Тогда было только
еще пять часовѣ, и потому мнѣ
оставалось еще четыре часа слоняшѣ-
ся и искашѣ кварширы; — какѣ же
было мнѣ лучше провеситѣ свое вре-
мя, какѣ не въ короткой (можетѣ
бышѣ и долгой) бесѣдѣ съ милою
торговкою перчатокѣ.

Вопервыхѣ, ни одна женщина въ
цѣломѣ городѣ не знаешѣ такѣ хо-
рошо, гдѣ можно найши кварширу;
ея лавка была настоящая каншора
для справокѣ о наймѣ кварширѣ. Пра-
вду сказашѣ, я не зналъ этого, когда
входилѣ къ ней въ лавку; но не уже-
ли обстоятельствовамѣ надобно бышѣ
хуже въ мою пользу, за шо только,

что я натереть объ эпэмъ не про-
вѣдалъ? — Вовпорыхъ, ни одна же-
щана не знаетъ шкъ скоро дней
и хъ новозней, и попому миѣ не-
обходимо надобно было узнать, не до-
шло ли до столицы дѣло моего друга.

Соединеніе гербовъ.

(Парижъ и Лондонъ.)

Парижъ! — Эмблема швоя корабль —
но швоя Сена не судоходна. — Урзи
сой убійешвенной кинжалъ въ про-
ливъ Дувра и Кале, чшэбы смылась
кровь съ кличка его, а между шѣмъ
корабль швѣй поплыветъ съ прили-
вомъ по Темзѣ и броситъ якорь въ
гавани шорговли.

Въ которой изъ девяти сотъ
улицъ — я разумѣю и переулки —
въ сей столицѣ міра займу я жилье
себѣ? Тс. . . здѣсь живетъ моя пре-
красная перчатшшница; а! вотъ она
у дверей! — вотъ ея шелковыя ре-
сницы! — подлинныя сѣпи любви
вымышленныя Псэшами. — —

Судьба олять привела меня къ вамъ, сударыня! каково поживаете?

„Прекрасно, сударь!“

Радуюсь, что васъ вижу! Какое горежанство въ иностранцѣ! — Какъ учтивъ! — какъ милъ языкъ перчатощницы!

Задняя лавка.

Едва прошло нѣсколько минутъ, какъ мы ушли въ заднюю лавку, а моя прекрасная торговка успѣла ужь переговорить о всѣхъ новостяхъ того дня. Я совершенно узналъ о новыхъ связяхъ театральныхъ танцовщицъ, честныхъ дѣвухъ и Нимфъ радости съ Английскими Лордами, Нѣмецкими Баронами и Маркизами Итальянскими. Быспролу, съ какою она упоминала объ этихъ связяхъ, не лзя ни съ чемъ другимъ сравнить, какъ съ бурнымъ покомъ Роны, или паденіемъ Ніагара. Въ теченіе десяти минутъ, я впалъ въ такой соблазнъ,

въ какой не введешь двумя своими, помами какойнибудь новой, милой писашель.

„Да, сказала она, къ спаши : видѣли ли вы перчатки новой работы?“

Какія они? спросилъ я. —

Тутъ сняла она съ полки коробочку и вынула нѣсколько паръ.

„Вотъ эти, сказала она, называющіяся *перчатки любви*. Онѣ изобрѣшены Герцогомъ. . . Случай очень замѣчательной и стоить, чтобъ это пересказать. Госпожа Герцогиня имѣла Чичисбемъ своимъ одного Шотландскаго Офицера, которой подверженъ былъ нѣкоторымъ особливымъ припадкамъ. Вы знаете, сударь, что эта нація имѣетъ свою особливую болѣзнь, такъ какъ и мы — — — Во всякой сторонѣ свои несчастія. Камердинеръ Герцогини открылъ Герцугу, что онъ Господина Капитана прислало къ его барынѣ что-то такое, объ чемъ онъ не смѣетъ сказать. — — — Что такое? спросилъ

Герцогъ? — Не *чесотка* ли? Лак^{ой} пожалъ плечами и Герцогиня вешла. Учиивость не позволила Герцогу разспрашивать объ эпомъ супругу свою; однако онъ сталъ думать, какъ бы спаслись онъ зараженія. Герцогъ услышалъ, что одинъ Англинской Полковникъ нашелъ очень удачной способъ — въ подобномъ случаѣ; но его имя было такое варварское, что его никогда не лзя было произносить съ пристойностию; потому онъ назвалъ его изобрѣтеніе *перухатками любви* — и они теперь въ большой чести по всему Парижу. Но мѣ надобно васъ увѣдомить, что Герцогинѣ никогда не прививали ослы, и что она умерла отъ нее спустя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ этого. Доктора ея, говоряшъ, ошиблись въ ея болѣзни; а какъ я никогда не бывала въ вашей сторонѣ, и позабыла ужь, прилипчива ли чесотка, или другая какая нибудь болѣзнь, наружная и и внутренняя, и можетъ ли быть занесена сюда — то и надѣюсь — продолжала она поведши глазами, и бросивъ самой спрасстной взглядъ сквозь

прекрасныя рѣсницы, которой прошелъ далѣе, нежели какъ я думалъ, одинъ взглядъ можешь проникнуть — что вы купите перчатки. — Припомъ же вы конечно спанете носить ихъ, когда они въ такомъ употребленіи у всѣхъ!“

Сказавъ это, она вынула мнѣ перчатки разной величины; но я не выбралъ ни одной пары, сказавъ, что всѣ они мнѣ велики. Наконецъ она вынула одну пару. „Я сама примѣрю ихъ, сударь; только видно у васъ руки очень малы, есѣли мои перчатки на нихъ взойдутъ.“

Теперь жарко, отвѣчалъ я; вы можете выбрать перчатки пошире. — Она спала подлѣ меня, прижалась лицомъ своимъ къ моему лицу, обѣими руками спала надѣвать перчатки, и почти уже исполнила свое намѣреніе — какъ вдругъ мужъ ея прошелъ чрезъ приемную и, качнувъ головою, сказалъ: *ничего, ничего! дѣлайте свое.*

С л ѣ д с т в і е.

Я не знала, какъ разумѣть слова его; но меня взяла дрожь, когда мужъ засталъ меня одного съ своей женою, хотя и въ самомъ невинномъ положеніи. — А что наше положеніе въ это время было самое невинное въ свѣтѣ, того не лзя никакъ оспорить: припомъ шкъ было и удобно. Кто станетъ зазирашъ женщину перчаточницу за то, что она въ *задней лавкѣ* примѣриваетъ свои перчатки!

Но какъ бы то ни было, только нечаянной приходѣ этого *простака* сдѣлалъ труды наши бесполезными. Рука моя шкъ задрожала (не знаю по какой симпатіи), что неспособна была опправлять дѣло свое, — выскользнула изъ перчатки, и выпала изъ рукъ красавицы.

„Боже мой! сказала она, что съ вами сдѣлалось?“ —

Право ничего, сударыня!

„Вы больны — примите каплю ликера ,“ — и шопчасъ вынесла его изъ ближайшей комнапы.

Крѣпительныя капли были дѣйствительны, но не могли удалить смященія духа моего, произведеннаго приходомъ мужа ея; и какъ у меня пропала уже охота, чтобы прекрасныя ея руки примѣривали въ другой разъ мнѣ перчатки, то я попросилъ ее опложить одну пару, какая была поменѣе.

„Какого цвѣшу?“ спросила она.

Я отвѣчалъ: *чернаго*.

„Разъ съ черными каймами, сказала она, чпо ъ не были въ прорѣ?“ — По я объяснилъ ей, что человеку духовному, хотя и не въ печали, не пристойно носить перчатокъ (даже *перчатокъ любви*) свѣтлаго цвѣшу.

Не могъ ли я запомнить первой причины приходу моего въ лавку — — — отъ примѣриванія перчатокъ, и отъ того, что испугался

хозяина — но правду сказать, я взялъ свои мѣры въ передней лавкѣ, прежде нежели мы ушли въ заднюю. — Кварширою я себя обезопасилъ; но извѣстія, касающіяся до несчастнаго моего попутчика, не вошли еще въ кругъ ея свѣденій; по крайней мѣрѣ провѣдавъ объ этомъ счишалъ я себя обязаннымъ новому своему знакомству.

К л е с е т а.

Зная добродушіе и простосердечіе прежнихъ моихъ криптиковъ, не сомнѣваюсь, что за послѣднюю главу обвиняшъ меня въ ежемѣсячномъ изданіи авторовъ *поденщиковъ*.

И эта сшая судей, каковы они ни есть, внесетъ на меня спрашное преступленіе пропивъ законовъ благоприсойности. Хотя во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ нѣтъ ни точки, ни коммы, ни черточки, которая оскорбляла бы ихъ цѣломудріе; но когда буду среди моихъ *Перовъ*, тогда подамъ слѣдующую бумагу:

„Не соглашаюсь на приговоръ
„ихъ: ибо я накрѣпко увѣренъ, что
„они не разумѣютъ сказанной гла-
„вы. — А какъ они не входящъ въ
„совершенное ея разсмотрѣніе, то
„я долженъ подумать, что она выше
„ихъ поняшя.“

Йорикъ.

Балетница.

Я положилъ себѣ за правило утѣхи
этого міра — не почиашъ утѣхами,
не наслаждавшисъ ими. У меня въ
карманѣ было двѣ пары перчатокъ,
полюко лишь примѣрныхъ. — Я
пошелъ въ Оперу, узнавъ, что шы
не пріѣхалъ еще, милой мой Евгеній.
Видѣлъ, какъ дѣвица Лакуръ удиви-
тельно танцовала — и разсмапри-
валъ изъ партера эти спонкія спрой-
ныя ноги, какихъ не изваялъ бы ни
Промогенъ, ни Пракситель. Я разго-
ворился объ этомъ съ Аббатомъ ***,
и онъ обѣщаль ввести меня къ ней.
Твой другъ дожидался ее у крыльца,
и имѣлъ честь посадить ее въ ка-

решу. Узнавъ, что я Англичанинъ, она пакъ пожала мою руку, что я пошчасъ почувствовалъ у себя въ сердцѣ движеніе, быстро перелетѣвшее въ него опъ конца моихъ пальцевъ, которое легче вообразишь, нежели описать.

Она угостила насъ опмѣннымъ *легкимъ ужиномъ*, и Аббашъ поспѣшно удалился, выпивъ одинъ стаканъ вина; разговоръ зашелъ уже между нѣмъ объ нѣжной справши. Я распространялся о счастливой чувствительности, и высказывалъ всѣ приманчивыя прелести Плашонической любви — какъ вдругъ она захохотала: „Искренно признаюсь — я не ученица вашей системы, и думаю, что она удачнѣе была бы на самомъ дѣлѣ.“

Въ иное время мнѣ бы опрокинула такая грубая мысль въ женщинѣ; но на ту пору я расположенъ былъ къ шутливости и поднесъ ей полную рюмку: *vive la Ba atelle!* Я показалъ ей новую покупку свою, и спросилъ, въ модѣ ли она? Лакуръ

сказала , что перчатки мои рѣдкаго узору , хотя и не *à la quès* , но впередъ совѣтовала мнѣ всегда имѣть перчатки *à la mousquetaire*.

Только что мы дошли до крайняго , послѣдняго намѣренія въ разсужденіи этого занимательнаго предмета — какъ вдругъ доложили объ господинѣ Томасѣ Г*. — Служанка хотѣла - было отворить двери , но не могла : они по какому - то случаю были заперты изнутри. Тутъ испугалась она больше нашего — не смѣла сказать Кавалеру , что двери заперты , и прошептала въ замочную скважину : *сударыня ! — Кавалеръ здѣсь.* — Между тѣмъ мы забавлялись *перчатками любви* , и Лакуръ надѣвала одну мнѣ на руку ловчѣе , чѣмъ сама *торговка*. Дѣвица Лакуръ начинала было хвалить , какъ она приспала , — какъ вдругъ этотъ роковой шопотъ распроилъ весь опытъ надъ благороднымъ изобрѣщеніемъ Герцога. „Спрячьсь подъ кровать !“ сказала дѣвица Лакуръ.

Бывалъ ли когда нибудь духовной въ такомъ жалкомъ состояніи? Г. Томасъ лучше хотѣлъ бы видѣть Йорика, со всѣмъ въ другомъ положеніи; но дѣвица Лакуръ увѣряла его, что кромѣ его ни одинъ мужчина ее не посѣщаетъ; а онъ, чтобы доказать ей, какъ на нее полагался, каждое Воскресенье по утру опускалъ въ карманъ ей сто золотыхъ ливровъ.

Мое огорченіе не такъ бы чрезвычайно было, еслибы скорой уходъ въ спальню не сдѣлалъ моего положенія пренесноснымъ. Соперникъ мой поржесшвовалъ надо мною, не вѣдая этого; а я, закусивъ губы, принужденъ былъ играть лице Меркурія со всѣми его невыгодами.

У х о д ъ.

Прекрасно сказано объ Герцогѣ Марлбургѣ, что онъ не знакомъ былъ только съ одною часшю полководскаго искусства — съ опшступомъ.

Любовь часто сравнивали съ войною — и очень справедливо. Когда я уже думалъ взять дѣвицу Лакуръ прислу-помъ, вооружившись *перчатками любви* — какъ вдругъ главной предводительшью сдѣлалъ вылазку и принудилъ меня къ самой неприятной рѣширадѣ. Какъ это не похоже на дѣла Герцога Марлбурга! сказалъ я. — Можно ли упомянуть объ этомъ въ *чувствительномъ путешествіи*? — Но я видѣ не покинулъ своего мѣста. — Только что я это подумалъ, какъ дѣвица Лакуръ спустила руку съ постели, и я могъ цѣловать ее, не будучи примѣченъ.

Г. Томасъ, обезопасивъ такъ, какъ онъ думалъ, гарнизонъ свой, удалился ошъ посту. А я, оставя менафоры — сдѣлалъ приспойной *отступъ* безъ всякой опасности — около четырехъ часовъ утра.

И т е р о.

Около четырех часов утра! скажешь насмѣшливой Чипашель. — Что дѣлали вы по сю пору съ балетчицею, *fille de prie?* — На это лишь перально отвѣчаю: *ничего*. — Нѣпѣ, Г. Йорикъ! эшопѣ обманѣ слишкомѣ грубѣ, чшобѣ мы приняли его за правду отѣ кафедры (*). — Что дѣлали ты съ *перчатками любви* — изобрѣшенными для избѣжанія заразы? Или дѣвица Лакурѣ не спохватилась надѣтъ ихъ? А ешьями пакѣ, шо чшо же случилось? — Еще однажды повшоряю: *ничего*.

Какѣ жестоко, милый Евгений, быть принужденнымѣ разглашать мнимую правду, или лучше сказать ложь! — Ешьяли бы у меня спрашивали обѣ эшомѣ за десять лѣтъ прежде — шо я на всѣ возраженія не могѣ бы сказать ничего больше, какѣ только: *ничего! ничего! ничего!*

(*) Прекрасная черпа!!!

Бѣдная дѣвица Лакуръ! скажешь масмѣшникъ. — — И шакъ вамъ не даромъ хотѣлось, чшобы господинъ Йорикъ былъ подшянутъ *à la mousquetaire*. — Но право, господинъ кришикъ: — *ничего*, совсѣмъ *ничего* умышленнаго. — Такъ и главы больше нѣтъ, говорите *Сехрливецъ*.

За чѣмъ же? за шѣмъ, что здѣсь конецъ ей. —

Несаянная встрѣта.

Поворотъ изъ улицы *Лагаръ* — по выходѣ моемъ опъ дѣвицы Лакуръ — тогда только лишь начало свѣшавъ — услышалъ я стукъ *фикакса* — и свисѣ. — Для актера, или драматическаго писателя, эшотъ звукъ былъ бы можетъ статься очень неприятенъ; а особливо когда бы онъ былъ суевѣренъ, то могъ бы почестъ это зловѣщимъ знакомъ для будущаго; но какъ я никогда не игрывалъ на театрѣ — никогда не писывалъ ни комедій, ни трагедій, ни

фарсовъ — то эшотъ звукъ былъ не прошивенъ моему слуху.

Оборошясь назадъ, я увидѣлъ поддѣланнаго своего Аббата; онъ выглянувъ изъ фіакра и узналъ меня: Небо! сказалъ я, что это значилъ! — Вѣрно его везутъ въ *Шитле*, или *Бисертъ*? — Нѣтъ! его чеспной хозяинъ уѣдомилъ его, что Судъ его ищеть, и совѣтсвалъ удалиться изъ города рано по ушру, чптобы избѣжать дурныхъ слѣдспвій дѣла своего; и онъ ѣхалъ шеперь во Фландрію, чптобы избавиться отъ власти приказныхъ.

Я былъ обрадованъ и огорченъ симъ случаемъ. — Меня оскорбляло то, что этого молодого человека столько мучашъ за такое приключеніе, которое бы онъ отъ всего сердца предупредилъ желалъ; но я и утѣшался припомъ, думая, что въ нѣсколько часовъ будешъ онъ за границами Франціи — далеко отъ ея ложнаго правосудія.

Прощаясь съ нимъ — нѣжно прощаясь, не могъ я не напомнить ему, что такой поспѣшной отвѣздѣ и — долгая дорога, изведуть деньги его прежде, нежели онъ думаетъ; и какъ деньги сильнѣе всего сильнаго, то я просилъ, чтобы онъ взялъ кошелекъ мой, съ тѣмъ условіемъ, что я потребую его, воротясь въ Англію, и онъ тогда заплашитъ мнѣ, еслили будетъ въ состояніи.

Еслили бы я пробѣжалъ чрезъ Фландрію, — то желаніе получить подобной долъ было бы самымъ послѣднимъ, слабымъ желаніемъ.

Онъ отвѣчалъ, что у него доставенъ денегъ до Нюпорпа, а оттуда онъ будетъ писать къ друзьямъ своимъ.

О Евгений! — ты знаешь чувства мои въ подобномъ случаѣ. Я не смѣлъ его неволить — опасаясь пронуть нѣжность его, которая слишкомъ мнѣ самому извѣстна, и удался съ слезами невольными и искренними.

М о т о в с т в о .

Мысли мои были такъ разсѣяны , такъ разнообразны , что не дали мнѣ заснуть. Я взялъ *фиакръ* — и поѣхалъ по всему Парижу. Чудно , что спрасти — которыя суть вѣтры жизни — и , будучи въ известной подвласности , однѣ только побуждающъ насъ дѣйствовать — что эти спрасти въ тоже время производящъ все наши бѣды — злосчастія ! Я не могъ не сказать :

„Въ спрданіяхъ своихъ ты небо укоряешь !
Творецъ твой не тиранъ : ты спраждешь
опъ себя ;
Онъ благъ ; для счастья Онъ въ міръ при-
звалъ тебя ,
Ты радости свои самъ въ скорби превра-
щаешь .
Безумецъ ! рокъ невиненъ въ томъ .“

Лишь только прочитавъ я эти строки , какъ увидѣлъ надпись надъ дверью , которая очень меня смутила :

Здѣсь играютъ свадьбы.

Я рассматривалъ эту необыкновенную надпись, какъ вдругъ слухъ мой былъ услажденъ такою пріятною музыкою, какая играетъ при ликованіи друзей пирующихъ. Я геллъ *факру* остановиться, и спросилъ: не лзя ли и мнѣ *играть здѣсь свадьбы?*

Не могу не замѣтить здѣсь, что кучеръ и его повозка почищаются въ Парижѣ равно неодушевленными, такъ, что оба споятъ одинакой издержки; также, что свадебные обряды — какъ ни хваляся ими всѣ женатые и холостые въ Парижѣ, господствуютъ чаще подъ дверьми съ улицы, нежели внутри домовъ.

Я очень радъ, сказалъ я; это хорошо для мрачнаго расположенія души моей, и одна нюлька любовь можетъ разогнать его! Когда кучеръ вызвалъ хозяина къ дверямъ, и сказалъ ему, что одинъ Англійской Дворянинъ думаетъ попраздновать свадьбу; то онъ спросилъ меня: сколько заказываю суповъ, сколько пирожнаго, сколько фрикасе, и сколько музыки?

Ничего! ошвѣчалъ я.

Тупѣ хозяи въ пожалъ плечами и сказалъ: экой Г. Англичанинъ! онъ пьянъ. — А я приказалъ кучеру везти себя домой.

La Fille de joie.

Только что вѣхалъ я на улицу Св. *Іакова*, какъ увидѣлъ ошрядъ приспавовѣ: они тащили молодую женщину въ коляску, между тѣмъ какъ она прегорько плакала, и молила у нихъ милости. Милость! Божественное свойство, незнакомое звѣрской душѣ подобныхъ изверговъ чловѣчества! — Какъ я проѣжалъ мимо, то она бросила на меня такой взглядъ, которой пронзилъ мнѣ сердце. — Я велѣлъ своему кучеру поворошитъ и ѣхать за коляской, въ которой была прекрасная заключенница.

Тогда было около семи часовъ утра, и они прямо привезли ее къ

Коммиссару. Когда они остановились у дому, но сердце мое забилось отъ тайной радости; это отъ дому принадлежалъ Господину Л*, моему крошечному знакомцу. — Обо мнѣ доложили, и сказали мнѣ, что онъ не всталъ еще. Молодую женщину провели въ приемную, а меня въ кабинетъ Коммиссаровъ, котораго двери были прошивъ прихожей.

Она заливалась слезами — и утирала ихъ бѣлымъ платкомъ своимъ. Тогда я могъ рассмотреть ее — и узналъ лице — хотя блѣдное отъ страха и горестныхъ воплей — лице милой моей горничной дѣвушки, которую я въ первый разъ встрѣтилъ съ сердечнымъ смятеніемъ. Боже мой! сказалъ я, возможно ли? — Не обманываютъ ли меня глаза? — Нѣтъ! это она! — Симпатія сердца моего невольно понудила меня за нее заступиться — и естли Гнъ. Л* былъ не совсѣмъ безъ чувства, то несчастная молодая женщина не отказалась бы въ нѣкоторой жерствѣ. — —

Только лишь я принялъ это намереніе, какъ Коммиссаръ вошелъ,

и послѣ первыхъ привѣтствій и дружеской ласки, я тотчасъ началъ говорить, что онъ можетъ теперь увѣрить меня въ искренности своего расположенія. — Онъ пребывалъ объясненія, и я все ему пересказалъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему не лзя пособить молодой женщинѣ прежде нежели выслушаетъ то, что на нее доносятъ; но еслия будетъ возможно умягчить ея показаніе не нарушая правосудія, то онъ конечно все для меня сдѣлаетъ.

Ее допросили — и хотя я могъ видѣть, что мое присутствіе сдѣлало ее нѣсколько посмѣлѣе; но на лицѣ и въ словахъ ея показывалась такая невинность, такая непришворная простота, что *Коммиссаръ*, по видимому, сталъ предубѣжденъ въ ея пользу.

Приславъ доносилъ, что у нее на квартирѣ сдѣлался шумъ и всполошилъ всѣхъ ея сосѣдей. Она признавалась, что былъ небольшой шумъ — но опъ того, что она не пускала къ себѣ нѣкошорыхъ безо-

койныхъ посѣпителей, приходившихъ навѣспить одну Госпожу, занимающую прежде ея покои. Видѣ правды, съ какимъ она рассказывала, тотчасъ сдѣлалъ *Коммиссара* ея защитникомъ, и онъ закричалъ на начальника приспавовъ; что онъ самъ подвергается наказанію, взявши безъ причины Госпожу изъ ея дому; что самая добродѣтельная женщина въ Парижѣ подвержена подобнымъ невыгодамъ опѣ буйныхъ посѣпителей; и какъ дозоръ ни чѣмъ другимъ не могъ доказать, что эта женщина безпорядочнаго поведенія,—то Госпожа будетъ очень милостива, еслили они выпросятъ себѣ у нее прощеніе. Они тотчасъ согласились, оставивъ *Коммиссару* прежнюю свою невольницу и — меня.

Когда приспавы ушли, то *Коммиссаръ* сказалъ мнѣ, что не смотря на такой его поступокъ въ пользу женщины, онъ плочно знаетъ, что она Нимфа *радости* — потому что ея имя стоипѣ у него въ смяскѣ; но такъ какъ она недавно еще въ этомъ ремеслѣ и приспавы не успѣли

узнать объ ея состояніи — то онъ опшускаешъ ее по просьбѣ Г. Йорика; но строго наказалъ не попадаться ему въ шакомъ же или въ подобномъ дѣлѣ.

Я чрезвычайно удивился, нашедши подлинно имя ея въ списокѣ *Коммиссаровомъ*, и сталъ очень любопышсшвовашъ узнать ея исторію. Мы удалились послѣ многихъ благодареній Гну. Л*, на которыя онъ имѣлъ справедливое право за доброй поступокъ свой, и я проводилъ ее къ ней домой.

Исторія.

Послѣ жаркой, сердечной благодарности за помощь мою, — бѣдная согласилась увѣдомишь меня, по какому случаю находишся она въ томъ продажномъ состояніи, въ какомъ по словамъ Коммиссара по несчастію она живешъ шеперь. — Она горько заплакала — ушерла слезы и рассказала мнѣ слѣдующее:

„На другой день послѣ того, какъ я приходила къ вамъ, барыня послала меня вамъ поклонишься, и узашъ, когда вы пожалуете къ ней съ

письмомъ, которое было у васъ къ ней изъ Аміена. Она удивлялась, что вы по сѣю пору ей не доставили его. Я пришла къ вамъ и узнала, что вы уѣхали въ Южную Францію, и никакъ не вѣдалъ, когда вы верошитесь. — Когда я пересказала это барынѣ, то она очень разгнѣвалась, за чѣмъ я не принесла письмо ей, за день прежде, тогда какъ она нарочно за нимъ меня посылала. — Но вамъ не надобно сказывать, почему мы оба про это позабыли. Она обнаружила свое подозрѣніе, что вѣрно между нами было что нибудь не даромъ, и даже и на-прямки мнѣ сказала, что и не удивительно, какъ я позабыла и объ ней и объ письмѣ, когда мы оба совсѣмъ другимъ занимались. Такое обвиненіе, между тѣмъ какъ я была *невинна*, очень огорчило меня; и я дала ей такой непріятной отвѣтъ, что она потчасъ велѣла мнѣ идти со двора. — Я не знала, что дѣлать — родни въ Парижѣ у меня не было, и я пошла къ одной торговкѣ, которая была знакома Гжѣ. Р*, спросить ее, не знаетъ ли она гдѣ *найти* кварширы, покуда я найду

себѣ мѣсто. Она примѣшила, въ какой была я заботѣ, совѣтовала мнѣ не беспокоиться; и какъ ей тогда была нужда въ услужницѣ, то мы тотчасъ и условились. Я, ни мало не медля, перебралась къ ней въ домъ, и съ этого времени она обходилась со мною, какъ съ родною.

Должность моя была разносить по упру по домамъ повары. Хозяйка моя работала только на Господѣ, а особливо на чужестранцевъ — и всегда совѣтовала мнѣ одѣваться какъ можно лучше при такихъ случаяхъ. Господа очень торопаты, говорила она, когда покупаютъ у *хорошихъ* торговокъ. — Она совѣтовала мнѣ быть какъ можно уступчивѣе, и никогда имъ не противорѣчить. Хозяйка моя говорила также, что во всей улицѣ Св. Онорія нѣтъ такой пригожей *дѣвушки*, и что я всего скорѣе сдѣлаю себѣ состояніе, ешьли буду жить съ умомъ; потому что въ Парижѣ три только состоянія, прибыльныхъ для женщинъ: быть *балетницею, кофейницею, и модною торговкою.* — Но

наше состояніе шѣмъ еще выгоднѣе, что его почитаютъ благоприсойнѣе всѣхъ — и наглые люди не смѣютъ его беспокоить.

Хотя я совсѣмъ не самолюбива, однако мнѣ очень понравилась мысль мсей хозяйки, что я могу сдѣлать себѣ состояніе. — Во всѣ четыре года, какъ я была горничной, ни одного *порядочнаго предложенія* не сдѣлалъ мнѣ никто, кромѣ одного *парикмахера*, которой былъ самъ хозяинъ въ улицѣ Гениго, — и пошому я начала думать, что вѣрно еще къ счастью опошла я ошѣ Гжи. Р*. — “

Тутъ я прервалъ ее и спросилъ, честныя ли условія предлагалъ ей *парикмахеръ*; и почему она отказала его предложеніямъ, пошому ли, что они были бѣдны, или онъ самъ ей не приглянулся. —

Дѣвушка очень искренно отвѣчала мнѣ, что условіе его было женишься на ней; что онъ былъ чловѣкъ зажиточной и казался ей очень

хорошимъ женихомъ; малой былъ онъ пригожій собой — человекъ извѣстной, потому что служилъ камердинеромъ Герцогинѣ Л*, но принужденъ былъ отойти, какъ скоро онъ услышалъ объ изобрѣненіи, какое сдѣлалъ Герцогъ, которой сталъ къ нему ревновать съ тѣхъ поръ; но добрая его Госпожа, отпуская его и помня прошедшія услуги, дала ему столько денегъ, что онъ завелся домомъ, и сдѣлался славнымъ *парикмахеромъ*.

Она хотѣла продолжать *повѣсть*, но вдругъ рѣчь ея прервалась отъ одного случая тревожнаго и страшнаго. —

П о ж а р ъ.

Изъ всѣхъ временныхъ несчастій, бѣдъ и злополучій гражданскихъ больше всѣхъ и страшнѣе всѣхъ — *пожаръ* нечаянной. Внезапныя и быстрыя дѣйствія его не только лишаютъ часто въпривожненное состояніе

всей собственности и доводятъ его до нищеты, — но на нѣкошорое время опнимаютъ самой разсудокъ и дѣлаютъ людей неспособными подавать другъ другу то вспоможеніе, какое бы получили они въ другую пору.

Въ сію минушу всѣ эти ужасы вдругъ представились глазамъ нашимъ; напрошивъ насъ цѣлой рядъ домовъ совершенно обхваченъ былъ пламенемъ. Крикъ, вопль, спукъ, шумъ, тревога — вдругъ поразили слухъ нашъ.

О Евгений! — что бы почувствовало тогда швое доброе сердце? — Ешьли по своему могу судить объ немъ, то чувства швой не послушались бы ни разсудка, ни Философіи — и какое холодное благо-разуміе остановило бы порывъ ихъ? Я бросаюсь въ народъ, подаю всякую помощь, какую шолько позволяли слабыя руки мои, коперыя вдругъ получили мочь необыкновенную, какъ вдругъ въ чешырехъ шагахъ отъ себя вижу: — женщина со-всѣмъ почти нагая, шолько что воста-

ла съ успели — ломала бѣлыя руки свои, рвала прекрасныя волосы и молила у Бога милосердія. — Я полетѣлъ на помощь къ ней — и хопя полъ-комнаты уже загорѣлось, не я вынесъ ее безъ вреда.

Я перенесъ ее въ тотъ домъ, откуда выбѣжалъ на пожаръ — и доспалъ тамъ не только шеплаго вина и другихъ укрѣпительныхъ лѣкарствъ, но и плащя покрывающаго ея: ибо она была въ одной рубашкѣ, какъ я туда ее привелъ. Но напасть такъ овладѣла ея мыслями, что спыдъ, отъ котораго бы она сгорѣла въ другое время, незарумянилъ щекъ ея — и блѣдность смертельнаго испугу ея осталась на лицѣ. — Увы! ты, слишкомъ властная Природа! ты поддалась угнѣтающему бѣдствію! — — Я побѣжалъ за каплями, и скорою помощію возвратилъ ей память и жизнь.

„Гдѣ я? — Вѣрно на томъ свѣтѣ! — Все вокругъ меня чужое! — Земные ли вы обитатели, и души умершихъ? — Или это былъ сонъ я

мнѣ все еще грезится? — Нѣтъ! — это точно комната — это постелья — это стулъ — а это столъ; вопѣ платье, только совѣтъ не такое, какое я нашивала. Все вокругъ меня кажется въ одинакомъ смященіи. Скажите мнѣ, прошу васъ, милосливой Государь — вы похожи на человѣка, скажите, кто вы, что я, и гдѣ я?“

Промолвивъ это, она опять лишилась памяти, и эта безчувственность казалась опаснѣе еще перваго припадка. — Я никогда не насмотрѣлся бы на милой видѣ ея, подобный въ самомъ дѣлѣ образу небеснаго жителя. Мнѣ казалось тогда, что это Ангелъ съ милосливою улыбкою хочетъ принять полетѣ въ горную свою обитель. — Но тогда было не время для размышлений: земная часть этого Ангела требовала нашей помощи.

Наконецъ она пришла немного въ себя. — Я почелъ нужнымъ оставить ее въ постель — и просилъ дѣвчушку, мою пріятельницу, какъ можно стараться объ ней. Она обща-

ла — что послѣ и нашелъ свято исполненнымъ. Тогда простясь съ нею на время, я спѣшилъ помогать еще бѣднымъ спрадальцамъ *пожара*.

Л а р т и к ъ.

Меня кличущъ изъ одного окошка, просящъ подставить шляпу и бросающъ въ нее маленькой *лурчикъ*; послѣ чего я удалился въ намѣреніи возвратить его хозяину, когда минешъ превога, причиненная настоящимъ бѣдствіемъ. Я бережно отнесъ его къ себѣ домой, и открывъ нашелъ въ немъ нѣсколько драгоценныхъ камней и поршретъ, которой сдѣлалъ глубокое впечатлѣніе въ душѣ моей. — Это было миниатюрное изображение того божественнаго творенія, съ кѣмъ повспрѣчался я въ Кале — и съ кѣмъ думалъ увидѣться въ Брисселѣ. — Боже мой! по какому случаю эпортъ поршретъ очутился здѣсь? — Не ужели эта прелестная женщина погибла теперь въ пламени? — Непусти сему Правосудіе! — любовь непусти сему!

Идучи домой, рѣшился было я успокоиться послѣ такихъ шурдовъ; — скинулъ уже кафтанъ и надѣлъ калпакъ; но какъ отперъ *ларчикъ*, — то въ минуту опять одѣлся — и пошелъ туда, гдѣ мнѣ дали его, желая провѣдать о его хозяйкѣ и дознаться, если можно, какимъ необыкновеннымъ случаемъ нашелся въ немъ портретъ этой Госпожи.

Въ это время огонь былъ всецѣмъ потушенъ — но волнованіе мыслей моихъ было все также сильно. Если оригиналъ погибъ — Пропали такая мысль — раскаяніе! — О, Евгений! я летѣлъ — бѣжалъ, самъ не зная куда.

Безуслѣшные розыски.

Наконецъ я добрался до того мѣста, гдѣ случилось злосчастіе. — Всѣ были еще въ великомъ смятеніи. Я спалъ спрашивавъ, не потеряли ли кто ларчика съ камнями — обѣщавъ отдать его, если

кто раскажетъ его примѣны — не никто не вызывался. Я спалъ потомъ развѣдывать, не лзя ли гдѣ сыскать шой Госпожи, которой портретъ держалъ въ рукѣ — но поиски мои также были неудачны, какъ и первые. — Такой Госпожи и не знавали во всеѣ околоткѣ. Я не могъ показать дому, изъ окна котораго брошенъ былъ ларчикъ. Все стѣны были разломаны, и мнѣ не лзя было никакъ различить одного дому отъ другаго.

Въ такихъ хлопотахъ пошелъ я къ знакомкѣ своей дѣвицѣ *Лабордъ*, (такъ звали мою дѣвушку, которую я до сихъ поръ называлъ просто горничною Госпожи Р*) — рассказалъ ей про этотъ случай и про свое горе, что не могъ сыскать хозяина ларчику и узнать о состояніи милаго оригинала портрету. Но каково было мое изумленіе — когда мнѣ дали знать, что Дама, которую я перенесъ къ дѣвицѣ *Лабордъ*, — какъ скоро пришла въ себя отъ испугу и удивленія, очень беспокоилась о потерѣ подобнаго ларчика.

Р а з в ѣ з к а.

Чишатель, думаю, не знаетъ еще, что двѣца Лабордъ увѣдомила меня, какъ Госпожа, спасенная мною отъ гибели и принесенная въ домъ ея, была взята опшуда своими друзьями и переведена въ иной домъ, для нее пригоповленной; это самое опнимало у меня всю надежду развѣдать о портретѣ и каменьяхъ. Опыскавъ домъ, куда переѣхала испуганная Госпожа, я снова сталъ надѣяться получить сладкую вѣсть о прекрасномъ оригиналѣ.

Чишатель вздумаетъ, можетъ спаться, будто онъ ужь и опгадалъ напередъ всю исторію, и будто Госпожа, которой я помогъ, была подлинный оригиналъ портрета. Потому для предубѣжденія такихъ ошибочныхъ заключеній, я доложу ему теперь, что такая опгадка самая неосновательная, хотя обѣ онѣ (ш. е. Госпожа и оригиналъ портрету) похожи были другъ на друга, но въ

гостѣ и видѣ ихъ была большая разница.

Я пришелъ къ ней съ ларчикомъ: — она очень обрадовалась увидѣвши его, благодарила меня больше стѣ сердца, нежели изъ учтивости, за мое стараніе о себѣ, которое избавило ее отъ неминуемой гибели въ пламени, и увѣдомила меня, что портретъ былъ ея сестры, вѣкоторой мужа со дня на день ожидали въ Парижѣ; что онъ напередъ прислалъ ей платье свое съ этими камнями и множество посуды; и все опдалъ-было на руки ей до его пріѣзду; но по несчастію вѣрно все это пропало, кромѣ камней, сбереженныхъ мною; попому, что она не можетъ провѣдать объ этихъ вещахъ, даже о своихъ собственныхъ пожизкахъ.

Я огорчился — тужилъ вмѣстѣ съ нею, и между тѣмъ показывалъ радость свою, что спасъ два такіе дорогие предмета — ее и портретъ милдой ея сестры.

Послѣ того я рассказалъ ей, что имѣлъ честь видѣть сестрицу

ея въ Кале, и по разговору, какой былъ между нами, я имѣлъ причину думать, что она была дѣвушка. На это Лади отвѣчала мнѣ, что она вышла за мужъ около шести недѣль, и что мужъ ея ѣдетъ въ Парижъ за шѣмъ, чтобы сладить нѣкоторыя договоры между родней своей и молодою женою, и что свадьба была съ общаго согласія обѣихъ сторонъ.

Признаюсь, что эта вѣсть чрезвычайно поразила меня; и я пожелалъ - было, чтобы парши были во всегдашней ссорѣ, и она осталась бы не за мужемъ. — Но одна минута разсужденія показала мнѣ, что такое желаніе не человѣколюбиво, не достойно души чувствительной. — Такъ! прочь же, прочь отъ меня желаніе, чтобы другіе были злополучны только для моего собственнаго удовольствія! — — — Гм. гм. — я не могъ прогнать этой мысли! — Я примѣшилъ, что мы замолчали, задумались, и я поспѣшно ушелъ домой.

Продолженіе.

Гдѣ распреложенное сердце можетъ найти успокоеніе — сердце, которое болитъ по милой? — Покинутой юноша имѣетъ одну только отраду — другую Нимфу гораздо милостивѣе. — Шаги мои по какому-то инстинкту привели меня къ дѣвицѣ Лабордѣ. Я нашелъ ее одну и, въ слезахъ. — Увы! сказалъ я, за чѣмъ Природа въ часы своего своенравія превращаетъ обитель веселости и забавъ въ вертепъ скорби? Какъ это противорѣчитъ! — какъ это чудно! — Но за чѣмъ вѣнчать это Природѣ! — она не можетъ ошибаться.

Сударыня! (сказалъ я послѣ такой мысли) можетъ быть не къ спанію теперь просить васъ, чтобы вы сдѣлали милость досказали свою исторію, которая такъ не вначайно перервана была самымъ печальнымъ случаемъ.

„Нѣтъ! сударь, отвѣчала она — мнѣ очень шяжко было одной; а когда я вамъ скажу про минувшія не-

счастья, про свое горе — то грусть моя пройдет и мне будет легче.“

„Въ первой самой разъ пошла я изъ лавки къ одному Италіанскому Графу; хозяйка думала, что онъ былъ также щедръ, какъ и жилъ пышно, Камердинеръ его только что проширалъ себѣ глаза въ исходѣ одиннадцатаго часу, прождавши своего барина всю ночь. Графъ взошелъ тогда, какъ я говорила съ этимъ человекомъ, которой поипчасъ доложилъ ему, что я принесла кружева, и онъ велѣлъ мнѣ войти къ себѣ. Я не могла и подумать, чтобъ у него было дурное на умѣ, и потчасъ вошла. Графъ только что взглянулъ мелькомъ на кружева, и потчасъ взялъ меня одною рукою за подбородокъ, а другую положилъ мнѣ на грудь. Эшотъ поступокъ почла я за такую неблагоприспойность, что разсердившись дала ему пощечину. Поспой же, милая, сказалъ онъ; когда такъ, то я научу себя лучше обращаться. — Онъ позвонилъ въ колокольчикъ, и камердинеръ явился. — Ну, сударыня! шеперь

выбирай, волею или неволею. — Я упала на колѣни и умаливала его сжалиться. — Нѣтъ; онѣ не пронулся ни слезами, и ни прозьбами, . . .“

Милая моя, бѣдняжка! — какой бездѣльникѣ! — взяшь силою то, что бы онѣ лаской и пресьбой могѣ получить и съ твоего согласія.

„О! нѣтъ, сударь, сказала она сквозь слезы — я въ жизнь бы мою не согласилась —“

А! это другое дѣло. — Ну, чтожь его щедрость? Чѣмѣ онѣ наградилѣ тебя? — —

„Обѣ этомѣ - то я и хочу сказать. — Хозяйка моя много про него наговорила, что онѣ ужь никакѣ меньше не подаритѣ мнѣ, какѣ сто золотыхѣ луйдоровѣ, потому что... — Право, Англичанину было бы это суцая бездѣлка.“

Суцая бездѣлица, могу увѣрить тебя. Я зналъ одного Англичанина Дворянина, которой разѣ пять плашилѣ по стольку за подобной поцѣ-

луй, но при томъ и въ половину не сдѣлалъ такого насилія, какое сдѣлано съ тѣбою.

— „Ну, такъ извольте же судить! — Такъ и я думала; видѣвши что прошедшаго не воропишь, я почитала дозволеннымъ взять плашу за — — —

За злодѣйской поцѣлуй — — —

„Да, за злодѣйской! — Я думаю, вы называете его такъ потому, что я ошъ него пошла безъ всего. — Подлинно, самое православное разсужденіе. — Я надѣялась — и рыдала и кричала — и надѣялась; ожидала всякую минушу награжденія за такое поруганіе — какъ онъ наконецъ спросилъ меня: дѣвушка ли я?“

Какое поруганіе, послѣ такого насилія! —

Чтожь вы опвѣчали? —

„Я сказала ему, что хотя имѣла *маленькія слабости сердца*; но въ такомъ преступленіи никогда прежде не была виновата.“

Онъ виноватъ — по мнѣнію всѣхъ законоискусниковъ въ свѣтѣ.

„Много было можно спорить съ обѣихъ сторонъ; но я взяла вину на себя.“

А награжденіе? —

„Графъ приказалъ придти завтра, обѣщавъ мнѣ заплашить и за кружева, которыхъ доставили ему случай . . . и подарить меня!“ —

Пришли ли вы?

„Какъ же!“

Или вы не осмѣлились?

„Нѣтъ! — я думала, что онъ ужь не можетъ поступить со мною хуже того, какъ онъ поступилъ; но ошиблась — ибо онъ сбѣжалъ въ тотъ же день съ своимъ камердинеромъ, и въ хлопотахъ позабылъ заплашить за кварширу.“

Чудно!

„Не все еще: онъ былъ игрокъ и въ то время, какъ я его видѣла,

онъ проигралъ послѣднее золото свое въ Академіи.“ — —

Академія.

Въ Академіи!!! Какъ! это позволено въ такомъ мѣстѣ, котораго имя возбуждаетъ изумленіе, — въ мѣстѣ Просвѣщенія, въ саду Наукъ, въ такой образованной націи, въ такой благоустроенной столицѣ, какъ Парижъ, гдѣ и самой малой порокъ едва проходитъ безъ наказанія, — позволено, говорю я, играть шакъ, что человекъ можетъ совсѣмъ разориться!

„Я васъ не понимаю,“ сказала дѣвица Лабордъ.

И я также. — Развѣ вы не сказали мнѣ, что Графъ проигралъ свои деньги въ *Академіи*?

„Конечно; да чему жь путь удивляться? развѣ шамъ не проигрываетъ каждую ночь чрезвычайныхъ сумм?“

И Полиція про это знаетъ ?

„Это мѣсто подъ непосредственнымъ ея покровительствомъ.“

Не возможно !

„Нѣтъ ничего извѣстнаго.“

Чтожь говорятъ Профессоры ?

„Какіе Профессоры ? — Записные игроки очень радуются этому ; правда, иногда несчастной случай можетъ и ихъ подорвать, когда найдетъ коса на камень : — но это такая рѣдкость, что послѣдней отбѣздъ Графовъ изумилъ весь Парижъ.“

Прошу исполковать мѣ свойство *Академіи* ; я по всему вижу, что мы немного не понимаемъ другъ друга. — Подъ словомъ *Академія* я долженъ разумѣть обитель Музъ, садъ Наукъ, верхоградъ Учености.

„Нѣтъ, шутъ не бывало ни обители, ни сада, ни верхограда ; а это домъ — игры, заведенной съ дозволенія Правительства, гдѣ игроки могутъ безъ наказанія обма-

нывать, естли только искусно умѣ-
ють это дѣлать, и гдѣ легковѣрной
простякѣ можетъ невозвратно ра-
зориться. “

Какъ искажаютъ священныя на-
званія!

„Совсѣмъ нѣтъ: это *Академія*
Удальцовъ.“

Естли обманывать есть знаніе,
немногимъ только удѣленное, — то
признаюсь, что такое названіе очень
свойственно; но какъ эта наука
одна изъ тѣхъ наукъ сокровенныхъ,
которыя я никогда занимаюсь не
буду, то прошу оставить эту шко-
лу, и продолжать свою повѣсть.

Конецъ третьей Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Третьей Части

ПУТЕШЕСТВІЯ ЙОРИКА.

	Стран.
Отъ Переводчика.	- 3
I. Самой щекотливой случай.	- - 7
II. Переговоры.	- 11
III. За завтракомъ.	- 12
IV. Запасъ для бѣднаго.	14
V. Дружба.	- - 15
VI. Сраженіе.	- - 16
VII. Упрямство.	- 20
VIII. Случайность бытія.	22
IX. Марія.	- - 23
X. Честь.	- - 25
XI. Благодарность.	- 27
XII. Попутчикъ.	- 29
XIII. Повѣсть.	i 30
XIV. Чудной приѣздъ.	- 33
XV. Свиданіе.	- - 35
XVI. Корюха.	- 40
XVII. Соединеніе гербовъ.	43
XVIII. Задняя лавка.	- 44
XIX. Слѣдствіе.	- - 48

			Стран.
XX.	<i>Клевета.</i>	-	- 50
XXI.	<i>Балетчица.</i>	-	- 51
XXII.	<i>Уходъ.</i>	-	- 54
XXIII.	<i>Ничего.</i>	-	- 56
XXIV.	<i>Нечаянная встрѣча.</i>		57
XXV.	<i>Мотовство.</i>	-	- 60
XXVI.	<i>La Fille de joie.</i>	-	- 62
XXVII.	<i>Исторія.</i>	-	- 66
XXVIII.	<i>Пожаръ.</i>	-	- 70
XXIX.	<i>Ларчикъ.</i>	-	- 74
XXX.	<i>Безуспѣшныя розыски.</i>		75
XXXI.	<i>Развязка.</i>	-	- 77
XXXII.	<i>Продолженіе.</i>	-	- 80
XXXIII.	<i>Академія.</i>	-	- 85
